

Научная статья

УДК 314.32:314.68

doi: 10.17072/2079-7877-2022-4-34-47

ПРОБЛЕМАТИКА ДЕТСКОЙ БЕДНОСТИ КАК ФАКТОРА НИЗКОЙ РОЖДАЕМОСТИ В РОССИИ

Оксана Сергеевна Руднева^{1✉}, Александр Андреевич Соколов²

^{1, 2} Оренбургский федеральный исследовательский центр УрО РАН, г.Оренбург, Россия

¹ksen1909@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-8425-3301>

²sokolovaa@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0093-3420>

Abstract. Проблема депопуляции стала ведущим вызовом современной России. Проводимая государством демографическая политика способствовала непродолжительному увеличению рождаемости, но тенденция ее снижения сохранилась. Причина этого заключается в том, что в стране текущая демографическая ситуация сложилась исходя из сочетания глобальных процессов демографического перехода и неблагоприятной социально-экономической ситуации. Социологические исследования показали, что одной из сдерживающих причин для рождения детей является отсутствие материальных возможностей. В статье представлен региональный анализ распределения субъектов по уровню суммарного коэффициента рождаемости как основы репродуктивного поведения и уровня бедности населения. Выявлено, что в регионах с высоким уровнем рождаемости наблюдается высокий уровень бедности (республики Чечня, Тыва и Алтай). С 2008 г. в регионах происходит увеличение относительного уровня детской бедности, где этот показатель выше среднероссийского. Регионы распределены на две группы – субъекты с высоким уровнем общей бедности (Республика Марий Эл, Псковская область, Республика Карелия, Саратовская область, Смоленская область) и субъекты с низким уровнем общей бедности (Сахалинская область, Московская область, Липецкая область, Воронежская область). При оценке взаимосвязи СКР и относительной детской бедности выявлено, что коэффициент рождаемости в семьях тем меньше, чем выше уровень детской бедности. Из 35 регионов при показателе СКР более 1,5 только в 9 субъектах уровень бедности ниже 12,3%. Это национальные республики Башкортостан и Татарстан, Чукотский автономный округ, «богатые» сырьевые регионы Тюменская и Сахалинская области, активно принимающий внутреннюю миграцию Краснодарский край, центр промышленного Урала Свердловская область, центр Дальнего Востока Хабаровский край и г. Москва, где уровень бедности самый низкий по стране. Проведенное исследование позволило выделить территории, где высокий уровень рождаемости обусловил увеличение рисков детской бедности, что, в свою очередь, имеет долгосрочные негативные последствия для развития регионов. Одна из главных проблем предотвращения депопуляции – снижение уровня детской бедности как одного из важных факторов репродуктивного поведения, социального развития и уровня общественного здоровья.

Ключевые слова: депопуляция, демографическая политика, детская бедность, репродуктивное поведение, суммарный коэффициент рождаемости, материнский (семейный) капитал, уровень бедности, прожиточный минимум, пронаталистическая политика

Благодарность. Исследование выполнено в рамках темы государственного задания ОФИЦ УрО РАН № АААА-А21-121011190016-1.

Для цитирования: Руднева О.С., Соколов А.А. Проблематика детской бедности как фактора низкой рождаемости в России // Географический вестник = Geographical bulletin. 2022. № 4(63). С. 34–47. doi: 10.17072/2079-7877-2022-4-34-47.

Original article

doi: 10.17072/2079-7877-2022-4-34-47

CHILD POVERTY AS A FACTOR OF LOW FERTILITY IN RUSSIA

Oxana S. Rudneva^{1✉}, Alexandr A. Sokolov²

^{1, 2}Orenburg Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Orenburg, Russia

¹ksen1909@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-8425-3301>

²sokolovaa@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0093-3420>

© Руднева О.С., Соколов А.А., 2022

Экономическая, социальная и политическая география
Руднева О.С., Соколов А.А.

Abstract. The problem of depopulation has become a major challenge for modern Russia. The demographic policy resulted in a short-term increase in the birth rate, but there remains the overall downward trend. The reason is that the current demographic situation in the country is a combination of global demographic transition processes and an unfavorable socio-economic situation. According to sociological studies, one of the main factors constraining the birth of children is the lack of material resources. The article presents a regional analysis of the distribution of constituent entities of the Russian Federation by the total fertility rate (TFR) as the basis of reproductive behavior and by the level of poverty of the population. Regions with a high birth rate were found to have a high level of poverty (the Republics of Chechnya, Tyva, and Altai). Since 2008, there has been an increase in relative child poverty; regions where this indicator is higher than the national average are divided into two groups – those with a high level of general poverty (Republic of Mari El, Pskov region, Republic of Karelia, Saratov region, Smolensk region) and regions with a low level of general poverty (Sakhalin region, Moscow, Moscow region, Lipetsk region, Voronezh region). When assessing the closeness of the relationship between the TFR indicators and relative child poverty, we revealed that the higher the level of child poverty, the lower the number of children in families. Out of 35 regions with a TFR of more than 1.5, only 9 territories have a poverty level below 12.3%. These are the national Republics of Bashkortostan and Tatarstan, the Chukotka Autonomous Okrug; the Tyumen and Sakhalin regions, which are 'rich' in raw materials; the Krasnodar Krai, actively accepting internal migration; the Sverdlovsk region, being the center of the industrial Urals; the Khabarovsk Krai, which is the center of the Far East; and the city of Moscow, where the poverty level is the lowest in the country. The study has identified the areas where a high birth rate has led to a concentration of poverty risks, especially for children, which, in turn, has long-term negative consequences for the development of regions. One of the main problems in preventing depopulation is the reduction of child poverty as one of the determining factors of reproductive behavior, social development, and public health.

Keywords: depopulation, demographic policy, child poverty, reproductive behavior, total fertility rate, maternity (family) capital, poverty level, subsistence minimum, pronatalism

Funding: The study was carried out as part of state assignment of the Orenburg Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (topic No. AAAA-A21-12101190016-1).

For citation: Rudneva O.S., Sokolov A.A. (2022). Child poverty as a factor of low fertility in Russia. *Geographical Bulletin*. No. 4(63). Pp. 34–47. doi: 10.17072/2079-7877-2022-4-34-47.

Введение

На протяжении длительного периода в России сложилась сложная демографическая ситуация – снижение рождаемости, рост смертности, старение населения. Продолжительное время наблюдается отрицательный естественный прирост. Это обусловлено множеством факторов, но в общественном мнении одной из основных причин этого считается снижение рождаемости. И приоритетным направлением демографической политики страны является стимулирование рождаемости в виде материальной поддержки и социального поощрения.

Не только Россия столкнулась со снижением рождаемости, но и весь мир в целом. Если в середине XX в. у женщины рождались в среднем 5 детей, то в настоящее время этот показатель вдвое ниже – 2,4. Между странами в уровне рождаемости наблюдается значительный разброс – от 6,35 в Нигере до 0,84 в Сингапуре. Низкий суммарный коэффициент рождаемости наблюдается в экономически развитых странах: государства Европы (включая Россию), США, Япония, Южная Корея и Австралия. В бедных странах Африки в среднем женщина рождает более 5 детей.

В настоящее время количество стран с уровнем рождаемости, недостаточным для полного замещения поколений (менее 2,1 детей на 1 женщину), выросло с 13 в 1970 г. до 123 в 2018 г. Общая численность населения этих стран достигла 3,97 млрд чел., или 51,7% населения планеты.

В России ситуация с рождаемостью аналогична общемировой – идет снижение как общего коэффициента рождаемости, так и количества детей, рожденных одной женщиной (рис. 1, 2).

В России модель рождаемости претерпела трансформацию. Это было обеспечено совокупностью факторов: изменением роли женщины в семье, сглаживанием гендерного неравенства на рынке труда, удлинением периода образования, активным включением женщин в общественную жизнь.

Страна проводит активную демографическую политику в области увеличения уровня рождаемости [14]. С 2007 г. основной пронаталистической мерой стал материнский

Экономическая, социальная и политическая география
Руднева О.С., Соколов А.А.

(семейный) капитал (МСК), который предусматривает материальную выплату за рождение детей с ограниченными условиями использования (пенсия матери, улучшение жилищных условий, образование). На начальном этапе ввода МСК сложились благоприятные условия для увеличения рождаемости: к репродуктивному возрасту подошло многочисленное поколение женщин, отмечается активный рост доходов. Но после 2016 г. уровень рождаемости начал снижаться, поскольку принимаемые меры способствовали, в первую очередь, рождению «отложенных» детей. Однако репродуктивные планы населения не изменились: по-прежнему преобладают семьи с 1 и 2 детьми и какие-либо предпосылки на изменение данной ситуации не отмечаются.

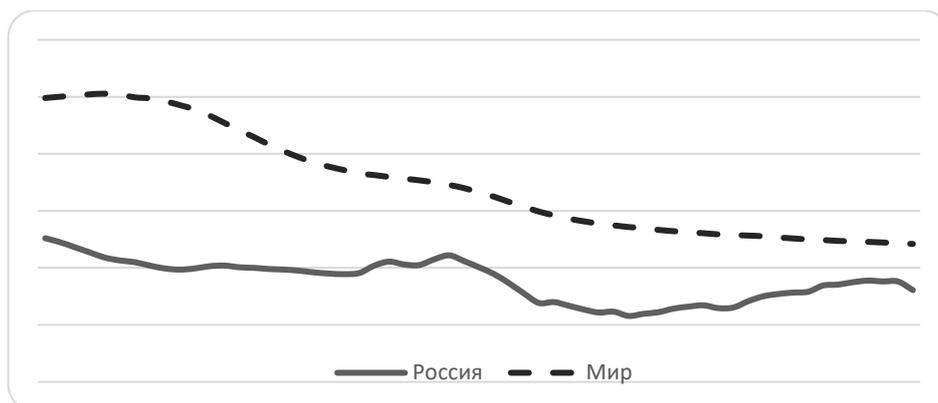

Рис. 1. Суммарный коэффициент рождаемости, чел. на 1 женщину.
Составлено авторами по данным Росстата и ООН [10; 29]

Fig. 2. Total fertility rate, children per 1 woman.

Compiled by the authors according to data from Rosstat and the UN [10; 29]

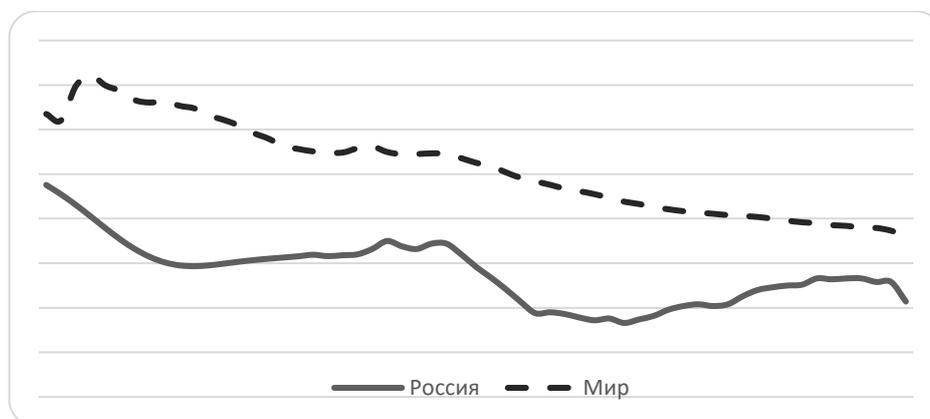

Рис. 2. Общий коэффициент рождаемости, чел. на 1000 населения.
Составлено авторами по данным Росстата и ООН [10; 29]

Fig. 2. Total fertility rate, children per 1,000 population.

Compiled by the authors according to data from Rosstat and the UN [10; 29]

С 2018 г. в стране действует национальный проект «Демография», одно из направлений которого – увеличение суммарного коэффициента рождаемости и достижение показателя в 1,7 ребенка на женщину к 2024 г. Основным стимулом метода – материальная поддержка семей с детьми [13]. Проводимая государством демографическая политика способствовала непродолжительному увеличению уровня рождаемости, но тенденция снижения остается. Причина этого заключается в том, что в России сложившаяся демографическая ситуация сформировалась исходя из сочетания глобальных процессов демографического перехода и неблагоприятной социально-экономической ситуации в семьях.

Теоретико-методологическая основа исследования

Теоретической основой исследования являются работы по изучению социально-экономических детерминант рождаемости, обуславливающих влияние благосостояния на репродуктивное поведение (А.И. Антонов, В.А. Борисов и др.) [2; 4; 19; 22], и демографического перехода, определяющего уровень рождаемости и смертности в связи с модернизацией экономики (А.Г. Вишнеvский, Л.Л. Рыбаковский) [5; 16].

Б.Ц. Урланис разработал типологию детерминант рождаемости, выделяя экономические условия, образование, уровень культуры, структуру потребностей и планирование семьи [23]. Л.Е. Дарский в своих работах также определял значимость влияния экономической составляющей при одновременном применении теории демографического перехода [9].

В настоящее время идет активное обсуждение приоритетности социально-экономических аспектов и постулатов демографического перехода во влиянии на воспроизводство населения. Демографы признают вариативность и множественность факторов, воздействующих на процессы воспроизводства [11].

В связи с тем, что процесс воспроизводства населения целесообразно изучать в масштабе территорий (федеральный и региональный уровни), необходима совокупность приемов – анализ этнических особенностей, социальных приоритетов, человеческого потенциала, общественного здоровья, уровня экономического развития и пр.

Эмпирической базой стали данные Федеральной службы государственной статистики РФ [10; 12; 15; 20], аналитические отчеты Отдела народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН [28; 29], базы данных Европейского регионального бюро ВОЗ [26].

Исследование основано на использовании статистических и математических методов обработки данных с последующей визуализацией. Применение исторического подхода к изучению уровня рождаемости выявило предпосылки его снижения в России на основе мировой ситуации, произошла смена типа воспроизводства населения. Метод социологических опросов и наблюдений позволил определить особенности репродуктивного поведения различных социальных групп населения и косвенно оценить полноту проводимых мер демографической политики. За основу были взяты проекты Росстата «Выборочное обследование бюджетов домашних хозяйств» и «Итоги выборочного наблюдения репродуктивных планов населения».

Результаты и обсуждение

Депопуляция и репродуктивное поведение в России. В России в настоящий исторический период наблюдается снижение численности населения – с наибольших 148,5 млн чел. в 1993 г. до 146,76 млн чел. в 2019 г. – на 1,74 млн чел. При этом естественный прирост менялся от 0,7 в 1991 г. до –6,7 в 2000 г. В последний год до пандемии COVID-19 он составил –2,2 промилле (2019 г.) при суммарном коэффициенте рождаемости (СКР) 1,5 рождений на женщину.

На региональном уровне также прослеживается сильная дифференциация СКР, но этот процесс сглаживается. Если в 2010 г. разница в СКР между регионами составляла 2, то к 2019 г. – 1,65 рождений на женщину. Максимальный показатель наблюдался в республике Тыва (2,72 ребенка на женщину), минимальный – в Ленинградской области (1,07 ребенка на женщину). Также в лидерах отмечаются Чеченская республика (2,64) и Республика Алтай (2,27).

Анализ сложившейся ситуации отражает эволюционный процесс снижения СКР в российских регионах. Даже в более «традиционных» субъектах, где национальные модели семейно-брачных отношений поощряют многодетность и раннее материнство, существенно сокращается число детей в семьях.

Численность населения в регионах зависит не только от рождаемости. Более приоритетным стали миграционная привлекательность и увеличение естественного прироста

Экономическая, социальная и политическая география
Руднева О.С., Соколов А.А.

за счет снижения смертности. Так, в Москве и Московской области в 2019 г. население за год увеличилось на 180 тыс. чел. при СКР около 1,5 рождений на женщину, а в Краснодарском крае – на 36 тыс. чел. при СКР 1,6 рождений на женщину.

В настоящее время на репродуктивное поведение населения оказывают влияние не только естественные процессы потребности воспроизводства поколений. При социологических опросах респонденты выделяют желаемое число детей и ожидаемое. Желаемое число детей в семье определяется не только субъективным желанием родителей, но и репродуктивными установками и социальными нормами. Ожидаемое число детей в наибольшей степени приближено к действительному предиктору рождаемости. По оценке репродуктивных планов населения на основе выборочного наблюдения [6] выявлено, что чем выше уровень жизни респондентов, тем меньше детей они планируют в семье (табл. 1).

Таблица 1

Субъективная оценка уровня жизни респондентов и число детей, чел.
 Subjective assessment of the respondents' standard of living and the number of children, people

Число детей	Оценка уровня жизни респондентов				
	<i>очень хорошее</i>	<i>хорошее</i>	<i>среднее</i>	<i>плохое</i>	<i>очень плохое</i>
Желаемое	1,91	2,21	2,14	2,27	2,47
Ожидаемое	1,78	1,9	1,86	1,9	1,95

В России сложилась ситуация, характерная для экономически развитых стран, – более поздний возраст брачности и рождения первенцев. Эмоционально зрелые, финансово независимые, состоявшиеся в карьере родители могут обеспечить детям более высокий уровень жизни, больше инвестировать в их образование и здоровье. Но в то же время материальная обеспеченность населения страны значительно ниже, чем в развитых странах, что сказывается на возможности обеспечить на приемлемом уровне многодетную семью. Согласно исследованиям «Высшей школы экономики» [8] основными сдерживающими причинами рождения вторых и последующих детей являются: отсутствие материальных возможностей (73% женщин и 70% мужчин), отсутствие высокооплачиваемой работы (66% женщин и 69% мужчин), неблагоприятные жилищные условия (58% женщин и 56% мужчин) и трудности с совмещением работы и ухода за малышом (36% женщин и 33% мужчин). Также по данным опросов ВЦИОМ² способствовать увеличению рождаемости, по мнению 63% россиян, может улучшение материального благосостояния семей. По мнению 44% опрошенных, важной причиной отказа от рождения детей является нехватка денег. Об ухудшении материального положения семьи после рождения ребенка говорят 35% опрошенных родителей несовершеннолетних детей. 79% опрошенных, имеющих детей, не готовы к рождению еще одного ребенка. После рождения детей основной проблемой (согласно опросу) являются: низкий размер детских пособий (24%), недостаточное количество дошкольных воспитательных учреждений (21%), низкий уровень жизни, высокие цены (15%), низкий уровень медицинского обслуживания (14%).

В значительной степени отказ от рождения детей связан с увеличением субъективного риска семьи попасть за черту бедности или усугублением существующей бедности.

Бедность в России. При определении воздействия уровня благосостояния на демографические процессы понятие бедность определяется как недостаток ресурсов для поддержания уровня жизни, «подходящего» для окружающего общества. В этом аспекте в России ввиду высокого уровня развития социума считается приоритетным материальное

² По данным аналитических обзоров ВЦИОМ «Рождаемость в России: меры и мнения», «Цветы жизни или сколько детей нужно для счастья?», «Быть матерью в России». URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews> (дата обращения: 11.01.2022)

Экономическая, социальная и политическая география
Руднева О.С., Соколов А.А.

положение членов семьи на уровне развитых стран, где базовые потребности имеют более высокий уровень. ООН дает такое определение бедности: «По сути, бедность представляет собой отрицание выбора и возможностей, посягательство на человеческое достоинство. Это означает отсутствие элементарных возможностей для участия в жизни общества. Это значит, что не имеется достаточно средств, чтобы накормить и одеть семью, возможности ходить в школу и получить медицинское обслуживание. Бедность означает восприимчивость к насилию и часто подразумевает людей, живущих в маргинальных или уязвимых обществах» [27].

Уровень бедности в России – это доход ниже прожиточного минимума, а если душевой доход в 2 и более раза ниже прожиточного минимума, фиксируется крайняя бедность. Прожиточный минимум представляет собой стоимостную оценку минимального набора продуктов, обеспечивающих физиологическую деятельность организма около (3 тыс. калорий), и непродовольственные товары (50% стоимости продуктов, табл. 2).

Таблица 2

Величина прожиточного минимума в среднем по России
The average subsistence level in Russia

Стоимость	2017	2018	2019	2020	2021*
Руб.	9,9 тыс.	10 тыс.	10,7 тыс.	11,3 тыс.	11,6 тыс.
Долл. США	172	173	154	182	158

*с января 2021 г. прожиточный минимум рассчитывается как 44,2% от величины медианного дохода.

*Since January 2021, the cost of living has been calculated as 44.2% of median income.

Согласно официальным данным Росстата наибольшая доля бедных проживает в Республиках Ингушетия и Тыва (30 и 34%); 57 регионов находятся в диапазоне от 10 до 20%. Наилучшая ситуация сложилась в 14 регионах (уровень бедности менее 10%): Москва и Санкт-Петербург (6,4%), Республика Татарстан (6,9%), Белгородская (7,8%) и Воронежская области (8,9%) и др.

Рис. 3. Распределение домашних хозяйств по оценке своего финансового положения, %.

Составлено авторами по данным Росстата [21]

Fig. 3. Distribution of households by assessment of their financial situation, %.

Compiled by the authors according to Rosstat data [21]

Понятие «бедность» населением воспринимается не только как соотношение доходов с абстрактным нормативом прожиточного минимума. Реальное ощущение собственной бедности население воспринимает через сравнение личного состояния и положения других людей или со своим положением в прошлом [7]. По субъективной оценке, в 2019 г. в 49% российских семей располагаемых денежных средств хватает только на еду и одежду, с покупкой товаров длительного пользования и оказанием услуг возникали значительные трудности, еще 13,9% смогли оплатить только еду (рис. 3).

Экономически напряженная ситуация сложилась в семьях в Забайкальском крае,

республиках Алтай и Тыва, где доля семей с доходами, обеспечивающими исключительно покупку продуктов питания, достигает 30%. В 69 субъектах более половины семей не имеют средства для покупки товаров длительного пользования. Преобладают такие домохозяйства в Псковской области и Республике Марий Эл (по 85%), в Новосибирской области (85,4%), в Алтайском крае (87,4%) и республике Алтай (95,2%).

Экономическая, социальная и политическая география
Руднева О.С., Соколов А.А.

Данные показатели свидетельствуют о низких потребительских возможностях большинства семей, что не позволяет вкладывать средства в образование, досуг, отдых, здравоохранение, т.е. на развитие человеческого потенциала.

Основную долю денежных доходов населения составляет заработная плата, и ее размер в большинстве случаев определяет уровень благосостояния. Одна из особенностей российской картины бедности (в т.ч. семей с детьми) – бедность работающего населения. Значительная часть бедных в стране (28,9%) состоит из занятого населения. У 77,5% малоимущих семей с детьми работают один или два взрослых, в 33% малоимущих семей с детьми – оба взрослых (данные 2019 г.) [18]. По оценке Росстата на основе выборочного исследования, среди работников крупных и средних предприятий средняя заработная плата составляет 48 тыс. руб., но 71,2% имеют доход ниже этого показателя. При анализе соотношения медианной зарплаты и величины прожиточного минимума выявлено, что в большинстве регионов (63,4%) этот показатель не превышает 3. Для семей с детьми в связи с этим формируется низкий уровень доходов на каждого члена домохозяйства, т.к. сама величина прожиточного минимума в стране ограничена минимальным потреблением. Медианная заработная плата в большей мере иллюстрирует сложившуюся картину доходов граждан. Большая разница между средней и медианной заработными платами демонстрирует значительную дифференциацию в заработной плате. В 2019 г. медианная зарплата в целом по стране составила 30,4 тыс. руб. при средней в 47,8 тыс. руб., или 1,57 раз.

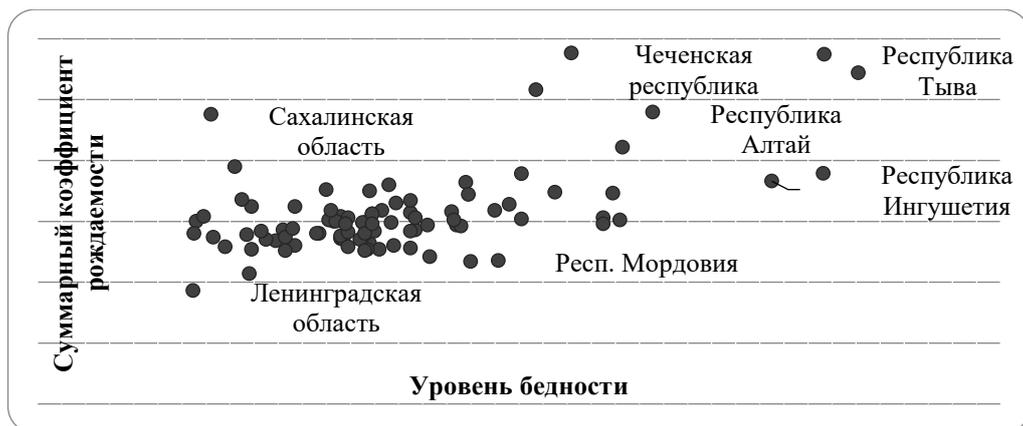

Рис. 4. Распределения регионов относительно уровня бедности и СКР, %.

Составлено авторами по данным Росстата [10; 20]

Fig. 4. Distribution of regions relative to the level of poverty and TFR, %.

Compiled by the authors according to Rosstat data [10; 20]

Существующая в настоящее время в России экономическая модель не способствует повышению доходов граждан и уровня жизни. Так, даже наличие оплачиваемой работы у экономически активного населения не является гарантией непопадания в категорию бедных. Феномен работающих бедных складывается исходя из низкой оплаты труда в связи с рядом факторов: неконкурентоспособность отраслей, низкий уровень производительности, низкая квалификация работников, экономическая отсталость периферийных районов.

Безусловно, бедность не является определяющим фактором числа рождений, но в российском социуме она отражает репродуктивное поведение. На региональном уровне по уровню бедности населения и СКР наблюдается восходящий тренд – в бедных семьях, как правило, больше детей (рис. 5). В республике Тыва 34,1% населения относятся к категории бедных и СКР здесь также самый высокий по стране – 2,72 ребенка на женщину.

Из 35 регионов при показателе СКР более 1,5 (среднероссийский уровень) только в 9 субъектах уровень бедности ниже 12,3% (среднероссийский уровень). Это национальные республики Башкортостан и Татарстан, Чукотский автономный округ, «богатые» сырьевые

Экономическая, социальная и политическая география
Руднева О.С., Соколов А.А.

регионы Тюменская и Сахалинская области, активно принимающий внутреннюю миграцию Краснодарский край, центр промышленного Урала Свердловская область, центр Дальнего Востока Хабаровский край и город Москва, где уровень бедности самый низкий по стране. Наиболее проблемная ситуация сложилась в регионах, где при высоком уровне бедности наблюдаются низкие показатели рождаемости – Республика Мордовия, Смоленская область, Саратовская область.

Детская бедность. Согласно исследованию Росстата, 23,6% детей в возрасте до 18 лет живут в семьях с уровнем денежных доходов ниже прожиточного минимума (2019 г.) [21]. При этом уровень бедности среди детей вдвое превышает данный показатель в целом по стране. В 2019 г. за чертой бедности проживали 12,3% россиян, или 18,1 млн чел., в 2017 г. – 12,9% населения, или 18,9 млн чел.

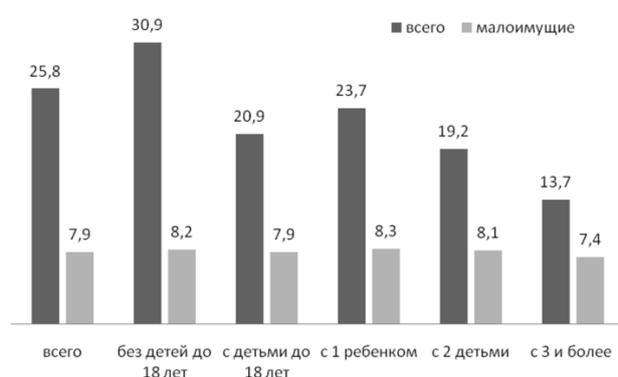

Рис. 5. Среднедушевые денежные доходы в 2019 г. в зависимости от наличия детей, тыс. руб.

Составлено авторами по данным Росстата [21]

Fig. 5. Average per capita monetary income in 2019 depending on the presence of children, thousand rubles

Compiled by the authors according to Rosstat data [21]

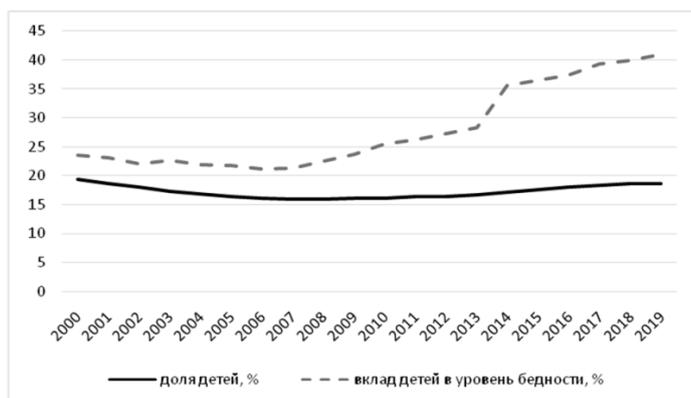

Рис. 6. Динамика доли детей в возрастной структуре и вклада доли детей в общий уровень бедности в России. Составлено авторами по данным Росстата [20; 21]

Fig. 6. Dynamics of the share of children in the age structure and the contribution of children to the overall level of poverty in Russia.

Compiled by the authors according to Rosstat data [20; 21]

нения материнского (семейного) капитала) наблюдается увеличение доли вклада детей в общий уровень бедности, доля детей в возрастной структуре также увеличивалась, но не так значительно.

Оценка данных выборочного наблюдения домохозяйств выявила, что существенные снижения в среднедушевых доходах отмечаются в семьях с тремя и более детьми в возрасте до 18 лет. В 2019 г. эта разница в малоимущих домохозяйствах составила 12%, а в целом по семьям – 17%. (рис. 5). Уровень детской бедности в семьях с 2-мя детьми – 21,5%, если детей в семье трое и больше, то это показатель доходит до 48,3%.

Также трудная ситуация складывается в семьях с детьми, живущих в сельской местности, особенно в небольших поселках (уровень бедности составляет более 45%), в молодых семьях (32,5%), в семьях с одним родителем (30%) [20].

Для оценки региональных аспектов бедности проанализирован показатель соотношения доли детей среди малоимущего населения и их вклада в общую возрастную структуру, что определяет относительный уровень бедности [1]. В 2019 г. в России при доле детей 18,7% и доля детей малообеспеченного населения достигла 41%, превышение в 2,2 раза стало максимальным в период с 2000 г., когда соотношение составляло 1,2 раза (рис. 6). С 2008 г. (начало приме-

Экономическая, социальная и политическая география
Руднева О.С., Соколов А.А.

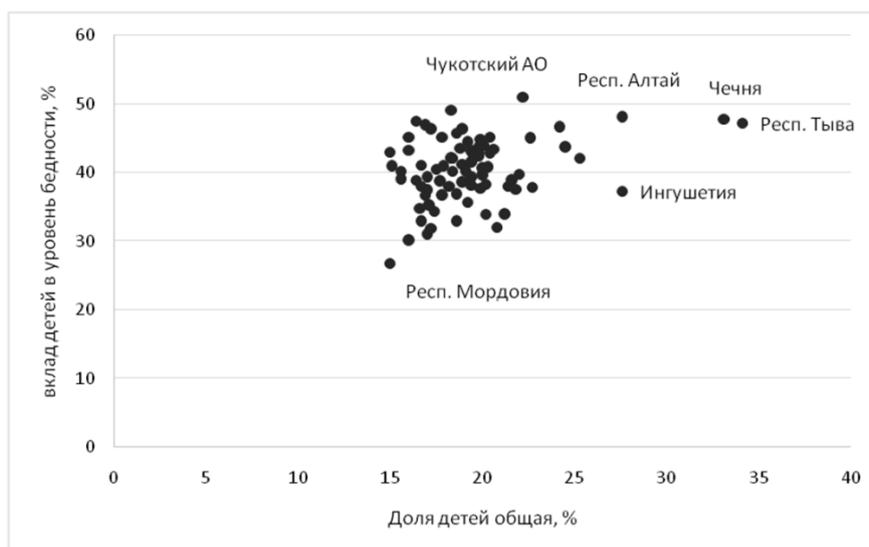

Рис. 7. Распределение регионов по доле детей в возрастной структуре и вкладу доли детей в общий уровень бедности в России. Составлено авторами по данным Росстата [20, 21]

Fig. 7. Distribution of regions by the proportion of children in the age structure and the contribution of children to the overall level of poverty in Russia.

Compiled by the authors according to Rosstat [20; 21]

На уровне регионов выделяются различия в относительной детской бедности. В 29 регионах соотношение доли бедных детей к общей доле детей в структуре населения отмечается выше среднероссийского показателя.

Исследование показателя в динамике с 2008 г. выявило, что во всех регионах увеличилась доля детей в структуре бедного населения. Но только в 5 регионах произошло снижение уровня относительной детской бедности (Республика Мордовия, Удмуртская Республика, Республика Тыва, Республика Хакасия, Еврейская автономная область) в сравнении с данными 2008 г.

Наибольшие значения (около 2,9) отмечены в Тульской и Ивановской областях. Здесь доля детей в структуре бедных семей – 43 и 47,5% соответственно, максимальный показатель зафиксирован в Чукотском АО – 51%. Регионы с высокой относительной детской бедностью можно разделить на две группы:

- субъекты с высоким уровнем общей бедности (Республика Марий Эл, Псковская область, Республика Карелия, Саратовская область, Смоленская область);

- субъекты с низким уровнем общей бедности (Сахалинская область, Московская область, Липецкая область, Воронежская область).

Наименьшая относительная бедность выявлена в республиках Тыва, Ингушетия и Чечня, где отмечаются наиболее высокая доля детей в структуре населения и при этом высокий уровень бедности. При оценке тесноты связи между показателями СКР и относительной детской бедностью наблюдается заметная обратно пропорциональная зависимость (коэффициент корреляции $-0,56$), т.е. в регионах с высокой относительной детской бедностью – низкий уровень рождаемости в семьях.

Положение семей с детьми осложняется и тем, что, несмотря на складывающиеся условия по доходам и уровню располагаемых ресурсов, они испытывают трудности в перераспределении объемов расходов: высока доля обязательных трат и платежей (питание, здравоохранение, образование и пр.). Это, в свою очередь, снижает возможности семей с детьми создавать финансовые резервы; в условиях экономической стагнации они в большей мере подвержены риску ухудшения материального положения, перехода в категорию малоимущих или крайне бедных. Зачастую приходится сокращать расходы

на категории базового потребления – ухудшается структура питания, сокращаются услуги по дополнительному образованию и пр. Вследствие этого формируется поколенческая бедность [17]. Детская бедность нарушает повседневную жизнь ребенка, обуславливая кумулятивное негативное воздействие на его будущее [25].

Социальные риски, формируемые бедностью. Дети, воспитывающиеся в бедных или семьях с ограниченными материальными возможностями, подвержены высокому риску социального неблагополучия в своей среде – преступность, алкоголизм, наркомания, безнадзорность, педагогическая запущенность. С большой вероятностью в таких семьях сформируется «поколенческая маргинализация», т.е. детям сложнее оторваться от деструктивного образа жизни семьи ввиду низкого уровня образования и ограниченности социальных контактов, что также повлечет за собой бедность и во взрослом возрасте с вытекающими последствиями.

Бедность в домохозяйствах с детьми не однородна по первопричинам. В одной категории семей бедность обусловлена невовлеченностью трудоспособных граждан в экономику (безработица одного или двух родителей) ввиду проживания в экономически неблагоприятной местности или отсутствия образования и квалификации, высоким числом несовершеннолетних иждивенцев (многодетность) или в семьях только с одним родителем (как правило, матерью). В другой категории семей бедность возникает при рождении ребенка (чаще второго или третьего) в связи с невысокой заработной платой родителей и возросшими расходами в домохозяйстве.

Россия по уровню рождаемости и репродуктивному поведению находится на уровне развитых стран, но по показателям смертности значительно опережает их, в связи с низкой продолжительностью жизни. При ежегодном увеличении этого показателя к 2019 г. он достигал 73,3 года (оба пола), что обусловлено, в частности, высокой смертностью мужчин. В среднем по стране гендерная дельта составляет около 10 лет. На региональном уровне разница между продолжительностью жизни мужчин и женщин варьирует от 4,4 (Республика Чечня) до 11,8 (Курганская область).

Существенная доля смертей в стране вызвана сердечно-сосудистыми заболеваниями (66,7% в 2019 г.), что значительно больше показателя развитых стран. Еще более значимым является высокая доля смертности в трудоспособном возрасте – 480 случаев на 100 тыс. чел. В наибольшей степени подвержено высокому риску смертности от заболеваний сердца и от внешних причин (убийства, самоубийства ввиду психической дестабилизации и тревоги, ДТП, несчастные случаи и пр.) мужское население, особенно в трудоспособном возрасте, что является следствием нездорового образа жизни, плохого питания, отсутствия профилактики болезней и эмоциональной напряженности. Большинство этих смертей предотвратимы, и социально-ориентированная экономическая политика России направлена на увеличение общей продолжительности жизни и сокращение разрыва этого показателя между мужчинами и женщинами. а [3].

В России в условиях протяженности страны, разности климатических условий и разнообразия этнического состава населения наблюдаются две группы регионов, где демографические процессы и уровень жизни населения отличаются от общероссийских тенденций (рис. 8). В регионах Северного Кавказа отмечаются высокий уровень долголетия, ввиду религиозных традиций относительно высокий уровень рождаемости, но низкие показатели развития экономики и уровня благосостояния населения. В малонаселенных регионах на севере Дальнего Востока уровень смертности трудоспособного населения самый высокий по стране, несмотря на повышенный среднедушевой доход относительно регионов центральной части, который нивелируется удорожанием логистики ввиду неблагоприятных природных и социально-экономических условий. В связи с этим высокая стоимость товаров и услуг формирует субъективную оценку финансового неблагополучия у населения [24].

Экономическая, социальная и политическая география
Руднева О.С., Соколов А.А.

Рис. 8. Распределение регионов России по уровню бедности и смертности в трудоспособном возрасте.
Составлено авторами по данным Росстата [10; 20]

Fig. 8. Distribution of Russian regions by the level of poverty and mortality at the working age.
Compiled by the authors according to Rosstat data [10; 20]

Заключение

Анализ современной демографической ситуации в стране свидетельствует о том, что полноценный демографический переход не произошел – проблема низкой рождаемости не сглаживается низкой смертностью и высокой продолжительностью жизни. Одним из направлений демографической политики по выходу из депопуляции стало материальное стимулирование рождаемости, что сталкивается с противоположностью процесса демографического перехода. Это подтверждается и кратковременностью увеличения рождаемости в стране: эффект был недолгим, рост обусловлен рождением «отложенных» детей. Устойчивая тенденция на увеличение суммарного коэффициента рождаемости не наблюдается.

Феномен возрастающей детской бедности является сдерживающим фактором для дальнейшего увеличения рождаемости. Репродуктивное поведение населения зависит от уровня социальной ответственности, ценностных стимулов рождаемости и подвержено влиянию экономических факторов. Семьи, столкнувшись с экономическим неблагополучием и возросшими рисками бедности, стабилизируют ситуацию в виде увеличения трудовой занятости членов семей и отказа от рождений второго или третьего ребенка. На домохозяйства идет двухстороннее воздействие – изменение репродуктивных установок вследствие демографического перехода и давление внешних факторов (жилье, доходы, поддержка социальной инфраструктуры, повышенное восприятие нормы в обеспечении нужд детей). В группе бедных и малообеспеченных оказывается социально благополучная часть населения. При региональном анализе выявлено повсеместное увеличение уровня детской бедности при снижении суммарного коэффициента рождаемости.

Низкий показатель суммарного коэффициента рождаемости в стране является косвенной реакцией населения на сложившуюся социально-экономическую ситуацию. И несмотря на сильные традиционные ценности деторождения преобладает адаптационный процесс к новым условиям, когда уровень материального благополучия членов семьи является как катализатором, так и следствием процессов воспроизводства.

При разработке демографических программ необходимо смещать акценты с количественного увеличения рождаемости на сокращение темпов депопуляции вследствие высокой смертности и снижения детской бедности. Эти проблемы затрагивают комплекс аспектов, формирующих финансовую и социальную устойчивость. Одним из главных направлений является трансформация современного рынка труда, где необходимо внедрение

Экономическая, социальная и политическая география
Руднева О.С., Соколов А.А.

социальной инфраструктуры, позволяющей совмещать профессиональную деятельность и семейные обязанности. Увеличение заработной платы позволит уменьшить иждивенческую нагрузку в семьях, снизив риск возникновения бедности или ее углубления.

Направленная на снижение детской бедности демографическая политика будет способствовать усилению развития человеческого потенциала, ослаблению гендерного и социального неравенства, повышению покупательской способности семей с детьми и стабилизации процессов рождаемости.

Анализ сложившихся тенденций рождаемости и смертности, репродуктивного поведения и уровня доходов домохозяйств в российских регионах представляет основу для последующего прогнозирования возможных демографических сценариев и нивелирования неблагоприятных последствий на региональном уровне.

Список источников

1. Анализ положения детей в Российской Федерации: на пути к обществу равных возможностей // ЮНИСЕФ. 2011. 272 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.budget-solution.ru/uploads/materials/inkl_doc.pdf (дата обращения: 4.06.2022).
2. Антонов А.И., Медков В.М., Архангельский В.Н. Демографические процессы в России XXI века. М.: Грааль. 2002.. 168 с.
3. Балина Т.А., Столбов В.А., Чекменева Л.Ю., Горбанёв В.А. Географический подход к изучению символического капитала страны с позиции ожидаемой продолжительности жизни населения // Вестник Удмуртского университета. Серия «Биология. Науки о Земле». 2021. № 2(31). С. 198–208.
4. Борисов В.А. Перспективы рождаемости. М.: Статистика, 1976. 248 с.
5. Вишневецкий А.Г. После демографического перехода: дивергенция, конвергенция или разнообразие? // Общественные науки и современность. 2015. № 2. С. 112–129.
6. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения–2017. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index (дата обращения: 11.01.2022).
7. Гордон Л.А. Четыре рода бедности в современной России // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 18–35.
8. Гудкова Т.Б. Репродуктивные намерения россиян: мотивация и сдерживающие факторы // Демографическое обозрение. 2019. № 4 (т. 6). [Электронный ресурс]. URL: <https://demreview.hse.ru/article/view/10428> (дата обращения: 14.10.2021).
9. Дарский Л.Е. Рождаемость и репродуктивная функция семьи. Демографическое развитие семьи / под ред. А.Г. Волкова. М.: Статистика, 1979. С. 85–123.
10. Демографический ежегодник России. 2021: ст.сб. Росстат. М., 2021. 256 с.
11. Зверева Н.В. Демографический переход: спор о теориях разного уровня // Демографическое обозрение. 2015. № 1. С. 6–23.
12. Здравоохранение в России. 2021: ст. сб. Росстат. М., 2021. 171 с.
13. Паспорт национального проекта «Демография». [Электронный ресурс]. URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programs/demography>. (дата обращения: 1.06.2022).
14. Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 года №1618-р об утверждении Концепции государственной семейной политики в России на период до 2025 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/41d4ffd61a02c7a4b206.pdf> (дата обращения: 03.02.2022).
15. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: ст. сб. Росстат. М., 2020. 1242 с.
16. Рыбаковский Л.Л. 20 лет депопуляции в России. М.: Экон-информ, 2014. 231 с.
17. Семьи с детьми в России: уровень жизни и политика социальной поддержки / под ред. Л.Н. Овчаровой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 153 с.
18. Семья и дети в России. 2021: ст. сб. Росстат, Общественная палата Российской Федерации, 2021. 116 с. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Semia_i_deti.pdf (дата обращения: 24.12.2021).
19. Сифман Р.И. Рождаемость и материальная обеспеченность. Рождаемость: проблемы изучения / под ред. Л.Е. Дарского. М.: Статистика, 1976. С. 62–92.
20. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2021: ст. сб. М.: Росстат, 2021. 373 с.
21. Социально-экономические индикаторы бедности в 2013–2020 гг. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_Ind_bedn_2013-2020.pdf (дата обращения: 24.11.2021).
22. Таубер Н. Условия жизни семьи и среднее число детей. Демографический анализ рождаемости / под ред. Д.И. Валентей. М.: Статистика, 1974. С. 3–12.
23. Урланис Б.Ц. Проблемы динамики населения СССР. М.: Наука, 1974. 336 с.
24. Юманова У.В. Региональные процессы социально-стратификационного неравенства населения России // Географический вестник = Geographical bulletin. 2019. № 2(49). С. 45–56. doi: 10.17072/2079-7877-2019-2-45-56.

Экономическая, социальная и политическая география
Руднева О.С., Соколов А.А.

25. A League Table of Child Poverty in Rich Nations: UNICEF, 2000, 28 p. Available at: www.unicef-icdc.org/publications/pdf/repcard1e.pdf (дата обращения: 17.12.2021).
26. European mortality database (MDB). Available at: <https://gateway.euro.who.int/en/datasets/european-mortality-database/> (дата обращения: 17.12.2021).
27. Gordon D. Indicators of Poverty & Hunger Available at: http://www.un.org/esa/socdev/unyin/documents/ydiDavidGordon_poverty.pdf (дата обращения: 1.06.2022).
28. World Mortality 2019: Data Booklet. Available at: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/documents/2020/Jan/un_2019_worldmortality_databooklet.pdf. (дата обращения: 17.12.2021).
29. World Population Policies related to fertility 2021 Policies. Available at: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/undesa_pd_2021_wpp-fertility_policies.pdf (дата обращения: 17.12.2021).

References

1. Analysis of the situation of children in the Russian Federation: towards a society of equal opportunities (2011), UNICEF, 272 p., available at: http://www.budget-solution.ru/uploads/materials/inkl_doc.pdf (In Russ.) (Accessed 4 June 2022).
2. Antonov, A.I., Medkov, V.M., Arkhangelsky, V.N. (2002), Demographic processes in Russia of the XXI century, Grail, Moscow, 168 p. (In Russ.).
3. Balina, T.A., Stolbov, V.A., Chekmeneva, L.Yu., Gorbaney, V.A. (2021), Geographical approach to the study of the symbolic capital of the country from the perspective of life expectancy of the population, *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Biologiya. Nauki o Zemle»* [Bulletin of the Udmurt University. The series "Biology. Earth Sciences"], no. 2(31), pp. 198–208 (In Russ.).
4. Borisov, V.A. (1976), Prospects of fertility, Moscow, Statistics, 248 p. (In Russ.).
5. Vishnevsky, A.G. (2015), After the demographic transition: divergence, convergence or diversity? *Obshchestvennyye nauki i sovremennost* [Social Sciences and modernity], no. 2, pp. 112–129 (In Russ.).
6. Selective observation of reproductive plans of the population-2017, available at: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index (In Russ.) (Accessed 11 January 2022).
7. Gordon L.A. (1994), Four kinds of poverty in modern Russia, *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], no. 4, pp. 18–35 (In Russ.).
8. Gudkova, T.B. (2019), Reproductive intentions of Russians: motivation and deterrent factors, *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic review], no 4(6), available at: <https://demreview.hse.ru/article/view/10428> (In Russ.) (Accessed 14 October 2021).
9. Darsky, L.E. (1979), Fertility and reproductive function of the family, Demographic development of the family, Moscow, Statistics, pp. 85–123.
10. Demographic Yearbook of Russia (2021), Russtat, Moscow, 256 p. (In Russ.).
11. Zvereva, N.V. (2015), Demographic transition: a dispute about theories of different levels, *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic review], no. 1, pp. 6–23 (In Russ.).
12. Healthcare in Russia (2021), Russtat, Moscow, 171 p. (In Russ.).
13. Passport of the national project "Demography", available at: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography> (Accessed 1 June 2022) (In Russ.).
14. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1618-r of August 25, 2014 on the approval of the Concept of state Family Policy in Russia for the period up to 2025, available at: <http://static.government.ru/media/files/41d4ffd61a02c7a4b206.pdf> (Accessed 03 February 2022) (In Russ.).
15. Regions of Russia, Socio-economic indicators (2020), Russtat, Moscow, 1242 p. (In Russ.).
16. Rybakovsky, L.L. (2014), 20 years of depopulation in Russia, Moscow, Ekon-inform, 231 p. (In Russ.).
17. Families with children in Russia: the standard of living and the policy of social support (2019), Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 153 p. (In Russ.).
18. Family and children in Russia (2021), Russtat, Public Chamber of the Russian Federation, 116 p, available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Semia_i_deti.pdf (Accessed 24 December 2021) (In Russ.).
19. Sifman, R.I. (1976), Fertility and material security. Fertility: problems of study, Statistics, Moscow, pp. 62–92.
20. Social status and standard of living of the Russian population (2021), Russtat, Moscow, 373 p. (In Russ.).
21. Socio-economic indicators of poverty in 2013–2020, available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_Ind_bedn_2013-2020.pdf (Accessed 24 November 2021) (In Russ.).
22. Tauber, N. (1974), Family living conditions and the average number of children, Demographic analysis of fertility, Statistics, Moscow, pp. 3–12 (In Russ.).
23. Uralnis, B.Ts. (1974), Problems of population dynamics of the USSR, Nauka, Moscow, 336 p. (In Russ.).
24. Yumanova, U.V. (2019), Regional processes of socio-stratification inequality of the population of Russia, *Geograficheskij vestnik* [Geographical Bulletin], no. 2(49), pp. 45–56. doi: 10.17072/2079-7877-2019-2-45-56.
25. A League Table of Child Poverty in Rich Nations: UNICEF, 2000, p. 4, available at: www.unicef-icdc.org/publications/pdf/repcard1e.pdf (Accessed 17 December 2021).

26. European mortality database (MDB), available at: <https://gateway.euro.who.int/en/datasets/european-mortality-database/> (Accessed 17 December 2021).

27. Gordon, D. Indicators of Poverty & Hunger, available at: http://www.un.org/esa/socdev/unyin/documents/ydiDavidGordon_poverty.pdf (Accessed 1 June 2022).

28. World Mortality 2019: Data Booklet, available at: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/files/documents/2020/Jan/un_2019_worldmortality_databooklet.pdf (Accessed 17 December 2021).

29. World Population Policies related to fertility 2021 Policies, available at: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/undesa_pd_2021_wpp-fertility_policies.pdf (Accessed 17 December 2021).

Статья поступила в редакцию: 29.03.2022; одобрена после рецензирования: 08.08.2022; принята к опубликованию: 13.12.2022.

The article was submitted: 29 March 2022; approved after review: 8 August 2022; accepted for publication: 13 December 2022.

Информация об авторах

Information about the authors

Оксана Сергеевна Руднева

кандидат географических наук, старший научный сотрудник отдела социально-экономической географии, Оренбургский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Институт степи УрО РАН; 460000, Россия, г.Оренбург, ул. Пионерская, 11

e-mail: ksen1909@mail.ru

Александр Андреевич Соколов

кандидат географических наук, старший научный сотрудник отдела социально-экономической географии, Оренбургский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Институт степи УрО РАН; 460000, Россия, г.Оренбург, ул. Пионерская, 11

e-mail: SokolovAA@rambler.ru

Oxana S. Rudneva

Candidate of Geographical Sciences, Senior Researcher, Department of Socio-Economic Geography, Orenburg Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute of Steppe of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 11, Pionerskaya st., Orenburg, 460000, Russia

Alexandr A. Sokolov

Candidate of Geographical Sciences, Senior Researcher, Department of Socio-Economic Geography, Orenburg Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute of Steppe of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 11, Pionerskaya st., Orenburg, 460000, Russia

Вклад авторов

Руднева О.С. – идея статьи, написание статьи, научное редактирование текста.

Соколов А.А. – сбор материала, обработка материала, инфографика.

Конфликт интересов. Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Contribution of the authors

Oxana S. Rudneva – idea of the article; writing the article; scientific editing of the text.

Alexandr A. Sokolov – collection of information; information processing; infographics.

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.